

Обновленцы и советская власть в 1923 году в освещении экзарха русских католиков

Беглов А. Л.

В публикации вводятся в научный оборот три документа 1923 г., выявленные в архиве главы Папской миссии помощи голодающим в России о. Эдмунда Уолша, хранящемся в библиотеке Джорджтаунского университета (США). Центральный документ публикуемой подборки — письмо католического священника Леонида Федорова, который в 1921–1935 гг. был главой Апостольского экзархата католиков византийского обряда в России. Письмо посвящено характеристике политики советской власти в отношении религии на примере политики в отношении обновленческого движения. О. Л. Федоров подчеркивает ложность заверений властей о свободе совести в СССР и делает вывод, что политика направлена на искоренение всякой религии. Он подкрепляет свое мнение письмом одного из лидеров обновленчества митр. Антонина (Грановского) с жалобами на налоговую политику властей. Документы публикуются впервые на языке оригинала и в переводе на русский язык.

Ключевые слова: История России (СССР) в XX в., история Католической церкви, история Православной церкви, обновленческое движение, политика советской власти в отношении религии, налогообложение духовенства и верующих, отец Эдмунд Уолш, экзарх Леонид Федоров, митр. Антонин (Грановский).

Отношения и деятельность. Данная статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РНФ (№19-18-00482) “Entangled Histories: Россия и Ватикан, 1917-1958 гг.”.

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

Беглов А. Л. — д.и.н., ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Автор монографий: В поисках “безгрешных катакомб”. Церковное подполье в СССР. (М., 2008; 2-е изд.: 2018); Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. (М., 2021). Сфера научных интересов: социальное измерение религиозности и его деформация под воздействием государственной политики, ORCID: 0000-0001-8656-1615.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): beglov.al@yandex.ru

Рукопись получена 10.11.2021

Рецензия получена 03.12.2021

Принята к публикации 10.12.2021

Для цитирования: Беглов А. Л. Обновленцы и советская власть в 1923 году в освещении экзарха русских католиков. *Российский журнал истории Церкви*. 2021;2(4):37-65. doi:10.15829/2686-973X-2021-74

Renovationists and the Soviet government in 1923 in the coverage of the Exarch of Russian Catholics

Alexey L. Beglov

The publication introduces into scientific circulation three documents of 1923, identified in the archive of the head of the Papal Mission to help the hungry in Russia, fr. Edmund Walsh, stored in the library of Georgetown University (USA). The central document of the published collection is a letter from the Catholic priest Leonid Fedorov, who in 1921-1935 was the head of the Apostolic Exarchate of Catholics of the Byzantine Rite in Russia. The example of the policy in relation to the Renovationist movement is used in the letter to characterize the policy of the Soviet government in relation to religion. Fedorov emphasizes the falsity of the authorities' assurances about freedom of conscience in the USSR and concludes that the policy is aimed at eradicating all religion. He backs up his opinion with a letter from one of the leaders of the renovationism Mitr. Antonin (Granovsky) with complaints about the tax policy of the authorities. The documents are published for the first time in the original language and translated into Russian.

Keywords: The history of Russia (USSR) in the twentieth century, the history of the Catholic Church, the history of the Orthodox Church, the Renovationist movement, the policy of the Soviet government in relation to religion, taxation of clergy and believers, Father Edmund Walsh, exarch Leonid Fedorov, Mitr. Antonin (Granovsky).

Relationship and Activities. This article is part of a project supported by the Russian Science Foundation (No. 19-18-00482), "Entangled Histories: Russia and the Holy See, 1917-1958".

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Alexey L. Beglov — Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. Author of the monograph: In search of "sinless catacombs". The Church underground in the USSR. (Moscow, 2008; 2nd ed.: 2018); Orthodox parish at the end of the Russian Empire: status, discussions, and reforms. (Moscow, 2021). Special interests — the social dimension of religiosity and its deformation under the influence of state policy, ORCID: 0000-0001-8656-1615.

Corresponding author: beglov.al@yandex.ru

Received: 10.11.2021

Revision Received: 03.12.2021

Accepted: 10.12.2021

For citation: Alexey L. Beglov. Renovationists and the Soviet government in 1923 in the coverage of the Exarch of Russian Catholics. *Russian Journal of Church History*. 2021;2(4):37-65. (In Russ.) doi:10.15829/2686-973X-2021-74

Документы, созданные партийными и государственными органами в СССР, активно используются исследователями истории религиозных объединений советского периода прежде всего для реконструкции их отношений с государством. Между тем, как отечественными, так и зарубежными историками осознана проблема недостаточности данных категорий источников для решения ряда исследовательских задач, например, при изучении повседневной жизни, поведенческих стратегий и общественных настроений представителей духовенства и рядовых верующих. В связи с этим историки обращают все большее внимание на ценность зарубежных архивов для реконструкции истории Русской Православной Церкви XX в. [Косик 2013; Беглов 2019:135-152; Фриз 2020; Freeze, Beglov, Belyakova, Tokareva 2020:477-489; Белякова 2021:97-104]. Одной из категорий таких архивов являются собрания документов представителей като-

лической иерархии в России, которые регулярно, часто по закрытым для советских властей каналам информировали свое руководство о положении в СССР. Ниже мы публикуем перевод трех документов, выявленных в архиве главы Папской миссии помощи голодающим в России о. Эдмунда Уолша, хранящемся в библиотеке Джорджтаунского университета в США.

Центральный документ публикуемой подборки (документ № 2) — письмо католического священника отца Леонида Федорова (1879—1935), который в 1921—1935 гг. был главой Апостольского экзархата католиков византийского обряда в России¹. Оно было написано 10 мая 1923 г.² в московской Сокольниковской тюрьме и адресовано главе Папской миссии помощи голодающим в России о. Эдмунду Уолшу (1885—1956)³. Последний направил его при своем отчете от 17 мая 1923 г. (документ № 1) государственному секретарю Ватикана кардиналу Пьетро Гаспарри. К письму о. Л. Федорова было приложено “Донесение” обновленческого митрополита Антонина (Грановского)⁴ во ВЦИК от марта 1923 г. (документ № 3) с жалобами на налоговую политику советской власти в отношении духовенства и верующих.

¹ Л. И. Федоров родился в православной семье и некоторое время учился в Санкт-Петербургской духовной академии, но в 1902 г. принял католичество, учился в Италии и Швейцарии. В 1911 г. о. Леонид был рукоположен во священника и стал одним из помощников митрополита Андрея Шептицкого. Последний в 1921 г. назначил о. Л. Федорова экзархом русских католиков византийского обряда на территории Советской России. 23 февраля 1923 г. о. Л. Федоров был арестован и через месяц стал одним из подсудимых на судебном процессе над католическим духовенством в Москве; был приговорен к десяти годам заключения, каковое отбывал сначала в Сокольниковской, затем в Лефортовской тюрьмах. Несмотря на свое положение, о. Л. Федоров вел достаточно активную переписку. Именно в Сокольниковской тюрьме им был написан публикуемый документ. В 1926 г. он был освобожден, но вскоре снова арестован и до своей кончины находился в ссылках и заключении. В 2001 г. папа Иоанн Павел II причислил о. Л. Федорова к лику блаженных Католической церкви. См. о нем: Юдин 2002; Парфентьев 2004; Mailleux 1964; Бурман 1966. Описание процесса над католическим духовенством в Москве о. Э. Уолшем см. в: Беглов, Токарева 2018.

² В этом документе автор упоминает об обновленческом соборе, проходившем в Москве с 29 апреля по 9 мая 1923 г., как о “завершившемся вчера”. На основании этого письмо экзарха русских католиков можно датировать 10 мая.

³ Отец Эдмунд Алоизиус Уолш — католический священник-иезуит, основатель Школы дипломатической службы Джорджтаунского университета, с 1922 по 1923 гг. возглавлял Папскую миссию помощи голодающим в России и, фактически, был неофициальным представителем Ватикана в РСФСР. См. о нем и его деятельности в России: Токарева 2020:188-204.

⁴ Обновленческий митрополит Антонин (Грановский) (1865—1927) происходил из духовного сословия и до 1900-х гг. делал более или менее типичную карьеру “ученого монаха”, в 1903 г. он стал епископом, одним из викариев Санкт-Петербургской епархии, но в 1908 г. был уволен на покой в связи со своими политическими высказываниями. В 1913 г. епископ Антонин был возвращен к управлению одной из епархий, но в начале 1917 г. снова уволен на покой, а в 1921 г. запрещен в священнослужении (уже патриархом Тихоном) за литургические новшества. В 1922 г. он поддержал позицию власти в отношении изъятия церковных ценностей и даже был включен в состав Центральной комиссии помощи голодающим в качестве “лояльного епископа”. В мае 1922 г. епископ Антонин встал во главе обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ) и в августе принял титул “митрополита Московского и всей России”. Тогда же он вступил в конфликт с другими деятелями обновленчества и организовал собственную группу — “Союз церковного возрождения”. Впрочем, потом он снова вернулся на пост председателя ВЦУ, и именно в этом статусе митрополит Антонин находился в момент написания публикуемого “донесения”. Полный разрыв между ним и другими представителями обновленчества произошел в июне 1923 г.

Письмо о. Л. Федорова посвящено характеристике политики советской власти в отношении религии, а приложенное “донесение” митрополита Антонина служит примером для иллюстрации тезисов о. Л. Федорова. Автор начинает свое письмо с характеристики митрополита Антонина, который, с точки зрения экзарха русских католиков, “в сравнении с другими вождями этого движения [...] отличается искренностью, бескорыстием и откровенностью”. Далее о. Л. Федоров достаточно подробно описывает обстановку в Православной Церкви в 1922 г. и первой половине 1923 г. [ср.: *Кривова* 1997]. Это был период торжества обновленчества, “живой церкви”, как именует движение автор письма. Он описывает практиковавшиеся обновленцами методы захвата храмов, их сотрудничество с властями; достаточно точно описывает обновленческий собор 1923 г. и осуждение на нем патриарха Тихона.

Однако уже на пике своего успеха обновленцы, как пишет о. Л. Федоров, сталкиваются с “жестокими разочарованиями”, вызывающими “слезливые мольбы” митрополита Антонина, поскольку власти считают их “мелкой группкой трусов и корыстолюбцев” и не собираются поддерживать постоянно. Власть лишь временно терпят обновленческое движение, но при этом ведут атеистическую пропаганду, делая ставку на умирание “живой церкви”. С точки зрения о. Л. Федорова, на примере обновленцев хорошо видно, что советская власть “открыто и бесстыдно” “уничтожает религию” вообще, а не только Католическую или старую Православную церкви.

Экзарх обстоятельно описывает методы этого уничтожения. Характерно, что в этой части своего письма он опирается не только на письмо обновленческого лидера и собственные наблюдения, но и цитирует ряд статей Уголовного кодекса советской республики 1922 г. Прежде всего он обращает внимание своего адресата, что с точки зрения советской власти всякая религия — это “предрассудок”, а значит, свобода совести — только “временная уступка” власти темным “народным массам”. Если религия предрассудок, то любое богослужebное действие, а тем более таинство может быть расценено “как обманное действие духовенства, а посему запрещенное”. Любые проповеди духовенства в защиту этого “предрассудка”, особенно апологетические высказывания против атеизма или в защиту церковного брака, а тем более такие дисциплинарные меры как епитимья, могут быть расценены властью как контрреволюционные деяния.

О. Л. Федоров пишет о практикующемся уничтожении книг не только собственно религиозных, но и философских, а также об искоренении упоминаний о Боге в светской литературе. Он останавливается на преследовании религиозного образования детей; на запрете взимания церковных сборов (со ссылкой на ст. 122 Уголовного кодекса); на налоговой политике власти, которая превращается в “давление на карманы верующих” с целью сделать невозможным содержание храмов и духовенства, а также на давлении на духовенство и его семьи как на “лишенцев”.

Особое внимание автор письма обращает на вмешательство со стороны советской власти во внутреннюю жизнь Церкви, на игнорирование властью

внутреннего законодательства религиозных общин. Так, о. Федоров указывает, что Уголовный кодекс (ст. 123) карает “присвоение себе религиозными или церковными организациями административных, судебных или иных публично-правовых функций”. Таким “присвоением” может оказаться отлучение от Церкви, церковное осуждение духовного лица или наложение покаяния. Вывод экзарха категоричен: “Это организованное искоренение всякой религиозной мысли, разрушение всякой религиозной организации”. Чтобы подкрепить свои выводы о. Л. Федоров, присовокупляет к своему посланию “доношение” митрополита Антонина.

О том, что митрополит Антонин писал во ВЦИК с резкой критикой налоговой политики власти в отношении духовенства, было известно еще современникам. Его письмо во ВЦИК первоначально было передано гласности, правда в искаженном виде, А. Э. Красновым-Левитиным и В. М. Шавровым [*Левитин-Краснов, Шавров* 1996:115-116]. В наши дни новосибирский исследователь С. Г. Петров опубликовал оригиналы двух писем митрополита Антонина — во ВЦИК и в НКЮ [*Петров* 2006а:85-89; см. также его исследование: *Петров* 2006б:57-62; *Петров* 2002]. Между тем текст, переданный о. Л. Федоровым о. Уолшу, не соответствует ни одному из писем, опубликованных С. Г. Петровым. Это некий третий документ, отличающийся от первых двух как объемом, так и содержанием. При этом русского оригинала данного письма Антонина обнаружить не удалось, и мы имеем дело только с французским текстом, отправленным о. Л. Федоровым о. Уолшу.

Опишем контекст его появления. Согласно реконструкции С. Г. Петрова, митрополит Антонин 1 февраля 1923 г. отправил во ВЦИК “ходатайство”, в котором в грубых выражениях просил приостановить “экономическую эксплуатацию культа” путем его репрессивного налогообложения. Это “ходатайство” было рассмотрено Антирелигиозной комиссией при ЦК РКП(б) 27 февраля 1923 г., которая приняла решение ослабить налоговый гнет и отменить “патентное и арендное обложение”. Митрополиту Антонину об этом, разумеется, сообщено не было, и 8 марта 1923 г. он направил, на этот раз в Наркомат юстиции, краткий запрос о том, какое последовало решение в связи с его первым письмом. Возможно, в ответ ему была сообщена резолюция ВЦИК на его первом письме о временной отмене всех налогов, “имеющих специфическое отношение к культу” [*Левитин-Краснов, Шавров* 1996:116; *Петров* 2006б:57-61].

Текст, находившийся в распоряжении о. Л. Федорова, был написан после этих двух документов. Мы заключаем это по тому, что в этом “донесении” митрополит Антонин упоминает свои обращения (во множественном числе) во ВЦИК и последовавшие в его адрес заверения П. Г. Смидовича⁵, что по крайней мере некоторые из упоминавшихся налогов будут отменены. Исходя из этого, публикуемое “донесение” должно было появиться между 8 марта 1923 г. (дата письма Антонина в НКЮ) и 17 мая 1923 г., когда было написано сопроводительное письмо о. Уолша,

⁵ П. Г. Смидович в этот момент — член Президиума ВЦИК и член Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б). Э. Левитин-Краснов и В. М. Шавров утверждали, что Антонин и Смидович были друзьями со школьных лет. См.: *Левитин-Краснов, Шавров* 1996:116.

с которым корреспонденция о. Федорова была направлена в Ватикан. Сам о. Федоров датирует “донесение” Антонина мартом 1923 г. В таком случае автор подготовил его в период между получением резолюции ВЦИК (мы не знаем ее точной даты, но это должно было произойти в ближайшие дни после 8 марта, когда Антонин обратился в НКЮ) и до 31 марта. То есть последние три декады марта 1923 г. можно считать наиболее вероятным промежутком времени, в котором было составлено “донесение”.

Остаются вопросы относительно археографического статуса данного документа. О. Федоров пишет, что получил “копию донесения, вероятно, сразу отправленного по месту назначения”. Из этого можно понять, что речь идет о копии черновика или отпуска (варианта документа, оставшегося у его автора после отправки подлинника адресату). Впрочем, мы не знаем, было ли “донесение” вообще отправлено. То, что Федоров имел дело с материалами Антонина, не вызывает сомнений. В переданном о. Уолшу “донесении” есть мотивы его февральского письма во ВЦИК. Например, утверждение, что налоговая политика властей изменилась с января 1923 г. Но есть и существенные отличия. Текст, переведенный о. Федоровым, значительно длиннее, характерный грубый стиль митрополита Антонина сглажен, упоминаются конкретные примеры налогового произвола. Такие конкретные примеры не приводились митрополитом Антонином в письме от 1 февраля. В публикуемом “донесении” упоминаются закрытие церквей в Муроме “из-за неплатежеспособности верующих”, “обобранные общины” Переславля, аресты священников в связи с неуплатой налогов в Павловском Посаде, попытки захватов церквей в Москве и др. Интересно, что ситуация в Муроме обсуждалась на заседании Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) еще 30 января 1923 г. [Петров 2006б:59]. Если верить “донесению”, оказавшемуся в распоряжении о. Федорова, то материалы об этой ситуации были переданы во ВЦИК также митрополитом Антонином. В “донесении” упоминаются и некие дополнительные материалы, приложенные к нему, которые, однако, в фонде о. Уолша отсутствуют.

Учитывая эти отличия, а также то обстоятельство, что мы имеем дело только с французским текстом, позволим себе предположить, что о. Л. Феодоров был не только переводчиком “донесения” обновленческого лидера, не только его редактором, смягчавшим его грубый стиль, но и в какой-то степени его соавтором. Напомним, что главным адресатом о. Л. Федорова был Ватикан. Очевидно, он опасался, что Папский престол слишком мягко смотрит на советский режим и пойдет на соглашение с ним⁶. Поэтому он был готов объяснить суть режима и его политики в отношении Церкви даже устами Антонина⁷. В этом контексте публику-

⁶ О переговорах Ватикана с советскими представителями см.: Токарева 2003:260-320; Токарева 2007: 147-180.

⁷ Отметим, что представители Ватикана в Советской России внимательно следили за развитием религиозной ситуации в нашей стране, и обновленцы, в 1922 и первой половине 1923 г. находившиеся, как казалось наблюдателям, на пике своего влияния, привлекали их пристальное внимание. О.Э. Уолш в течение 1923 г. по меньшей мере шесть раз сообщал в Ватикан различные сведения об обновленческом движении. Так, в начале мая он направил в Рим “Меморандум о соборе “Живой церкви” (большевистской), состояв-

мое письмо о. Л. Федорова и приложение к нему примыкают к другому тексту экзарха русских католиков от 23 мая 1923 г., направленному в Ватикан также через о. Э. Уолша. В этом письме о. Федоров, отталкиваясь от статьи коммуниста Р. Арского в газете “Петроградская Правда”, довольно пронизательно описывал суть советской (анти)религиозной политики⁸. Он одним из первых среди религиозных деятелей выявил особенности советского секуляристского проекта как *политической религии*, претендующей на монопольное господство не только в политической, но и идейной и религиозной сферах, и навязывающей традиционной религии свои нормы [ср.: *Фадеев, Шебалин* 2021:116]. Теперь мы видим, что это была не единственная его попытка вскрыть двуличие заявлений официальных лиц о свободе вероисповедания в Советской России.

Если наше предположение верно, то в случае с “донесением” марта 1923 г. мы, скорее всего, имеем дело не столько с переводом неизвестного нам черновика, а с компиляцией, выполненной самим о. Федоровым на основе переданных ему из окружения митрополита Антонина материалов. Впрочем, проверить эту догадку можно, лишь выявив оригиналы этих материалов или хотя бы какой-то их части.

* * *

Документы из фонда о. Эдмунда Уолша, хранящегося в библиотеке Джорджтаунского университета в США, были выявлены в рам-

---

шемся в Москве на неделе с 29 апреля по 5 мая 1923 года”, подготовленный членом миссии салезианцев из Словении о. П. Цигутом. В нем говорилось: “Этот “Собор” проводился под эгидой правительства и полным контролем советских властей. Кандидаты были тщательно отобраны большевистскими властями с заявленной целью “лишить сана Патриарха Тихона и заменить его лидером из представителей духовенства, перешедшего на сторону “Живой церкви”. Если героическая защита своей веры петроградскими католическими священниками навсегда останется актом чести и славы католического сообщества, то для протестантского сообщества позорным и скандальным эпизодом навеки будет тот факт, что епископ Американской методистской епископальной церкви по фамилии Блейк принял участие в соборе и выступил против Патриарха. Он полностью солидаризировался с группой, которая объявила Патриарха “изменником, заслуживающим смертного приговора”. Среди одобренных “реформ” было разрешение епископам вступать в брак — и даже дважды, в случае смерти первой жены” (*Edmund A. Walsh*, SJ Papers, Georgetown University Library Booth Family Center for Special Collections, Washington, D.C., Collection GTM-GAMMS239. Box 6. Folder 385).

24 мая в очередном отчете он писал кардиналу Гаспарри: “Политика государства в отношении “Живой церкви” просчитана таким образом, чтобы привлечь людей к этому решению проблемы, — фактически речь идет о создании советской государственной церкви, то есть возврате к тому положению, которое большевики начали устранять своими декретами об отделении церкви от государства. Я уже сообщал о результатах так называемого Всероссийского Поместного собора, который “сместил” Тихона. Комитету представителей Живой церкви, которые посетили Тихона и передали ему постановление о лишении сана и возвращении в мирское положение, Патриарх ответил: “Кто эти епископы? Я не признаю власти и законности этого Собора. Я не признаю юридической силы этого постановления. (Позднее он подписал документ об отказе.) Тихон, Патриарх Всея Руси”. Канонические доводы в пользу незаконности Собора заключаются в следующем: 1. На нем должны были присутствовать четверо других Патриархов (Константинопольский, Афинский и др.). Но никого из них не было. 2. Собор должен был быть одобрен и благословлен местным Патриархом, на канонической территории которого он проходил. Такого одобрения не было” (Там же).

⁸ Опубликовано по подлиннику из архива Государственного секретариата Ватикана: *Фадеев, Шебалин* 2021:109-122.

ках проекта “Entangled Histories: Россия и Ватикан, 1917–1958 гг.” (РНФ № 19-18-00482). Их перевод на русский язык также был выполнен в рамках этого проекта с английского языка — М. Коробочкиным, с французского языка — И. К. Мироненко. Названия документов (за исключением документа № 3) даны публикатором. В соответствующих папках фонда о. Эдмунда Уолша отсутствует архивная нумерация листов. Подчеркивания в оригинале заменены в публикации курсивом. Реконструкции публикатора помещены в квадратные скобки. Как документы, так и переводы публикуются впервые.

1.

Из отчета главы Папской миссии помощи голодающим в России отца Эдмунда Уолша государственному секретарю Ватикана кардиналу Пьетро Гаспарри

May 17, 1923

To His Eminence Cardinal Gasparri,
Secretary of State to His Holiness
The Vatican, Rome

Your Eminence,

Enclosed please find two more remarkable documents regarding the present situation of the Church and of religion in general. *Utrumque mihi mittebantur e carcere ab Exarcha Fedorov*⁹. They are self-explanatory and seem to me an unusually keen analysis of the tendencies of the Government at this time.

The “Report of Archbishop Antonin” with its bitter complaints against the official persecution of all religion is particularly significant in view of the recent protest sent by Archbishop Antonin to the Archbishop of Canterbury in which he denies that any religious persecution exists in Russia. No better proof is needed than this to demonstrate the absolute servility of the new group now in power in place of the Patriarch Tychon.

Enclosed Your Eminence will also find a recent number of the Atheistic paper “Bezbozhnik” maintaining many references to the “Sobor” or recent Church Council, described in my last report. I have marked and translated one article, the one dealing with the speech made by the Methodist Bishop Blake¹⁰.

It is indeed a sad commentary on the spirit of Methodism to realize that one of their Bishops deliberately lends his influence to a movement whose clear purpose is to stifle all religion and eventually make Russia the great atheistic land. <...>¹¹

⁹ Лат.: “Оба были отправлены мне из тюрьмы экзархом Федоровым”.

¹⁰ Данное приложение к письму отсутствует. О присутствовавшем на обновленческом соборе епископе Блейке см.: *Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.* Кн. 1–2. М. Новосибирск, 1997–1998. Кн. 2. С. 420, 447.

¹¹ Опущены пересказ газетной статьи о соболезнованиях иностранных послов в связи со смертью В. В. Воровского и переписки с Г. В. Чичериным по поводу цензуры проповедей со стороны советских властей.

Перевод**17 мая 1923 г.**

Его Высокопреосвященству кардиналу Гаспарри,
Статс-секретарю Его Святейшества,
Ватикан, Рим

Ваше Высокопреосвященство,

Прилагаю еще два примечательных документа относительно положения Церкви и религии в целом. *Utrumque mihi mittebantur e carcere ab Exarcha Fedorov*¹². Они говорят сами за себя и, на мой взгляд, содержат необычайно глубокий анализ текущих тенденций в политике правительства.

“Отчет Архиепископа Антонина” с горькими жалобами на преследование властями любой религии особенно примечателен в свете протеста, который Архиепископ Антонин недавно направил Архиепископу Кентерберийскому, отрицая сам факт гонений на религию в России. Это со всей наглядностью демонстрирует полную сервильность новой группы, оказавшейся у власти вместо Патриарха Тихона.

Прилагаю также недавний номер атеистической газеты “Безбожник”, где много раз упоминается о “Соборе” или церковном совете, о котором я рассказывал в последнем отчете. Я отметил и перевел одну статью — о речи методистского епископа Блейка.

Тот факт, что один из методистских епископов сознательно использует свое влияние в интересах движения, чья явная цель состоит в удушении любой религии и превращении России в гигантскую территорию атеизма — весьма прискорбное свидетельство о настрое Методистской церкви. <...>

Edmund A. Walsh, SJ Papers, Georgetown University Library Booth Family Center for Special Collections, Washington, D.C., Collection GTM-GAMMS239. Box 6. Folder 385. Отпуск. Правленая машинопись. Оригинал — на английском языке с латинскими вставками. Каждый лист — на бланке Папской миссии помощи голодающим. На первом листе справа машинописью: *Moscow, May 17, 1923*; слева впечатано в поле бланка: *Vatican* [, отчет №] *48*, здесь же — рукописные пометы с перечислением приложений. На остальных листах, кроме последнего, в поле бланка вписано от руки: *48*; на последнем листе — *49*.

¹² Лат.: “Оба были отправлены мне из тюрьмы экзархом Федоровым”.

2.

**Письмо экзарха Леонида Федорова отцу Эдмунду Уолшу
об обновленческом движении и о политике советской власти
в отношении религии**

[10 мая 1923 г.]

A Sa révérence
le représentant de la Mission catholique
de l'aide aux affamés en Russie
p. Edmund Walsh

Très Révérend père,

J'ai reçu il n'y a pas longtemps la copie du "Rapport du Métropolitain de Moscou Antonin au Vtzik", rédigé par lui au mois de mars 1923 et probablement aussitôt envoyé au lieu de sa destination, cela m'oblige de nouveau d'avoir recours à Votre Révérence en la priant de faire immédiatement parvenir à la connaissance du St Siège ce rapport du Métropolitain Antonin ainsi que mes commentaires sur lui.

Le rapport mentionné ci-dessus est remarquable parce qu'il offre un tableau frappant de ces violations révoltantes de la liberté de la conscience religieuse qui ont eu lieu en Russie, malgré toutes les assurances du gouvernement soviétique au sujet de sa tolérance religieuse. Chaque mot, chaque comparaison dans ce rapport loin d'être exagérés ou faux ne sont qu'une photographie exacte de cette hypocrisie révoltante et de l'impudence effrontée avec lesquelles les agents du pouvoir soviétique se font justice des représentants des différents cultes religieux, surtout du clergé chrétien.

Le rapport acquiert un intérêt particulier grâce à la personnalité de l'auteur, le Métropolitain de Moscou Antonin. Il est le serviteur le plus fidèle du Gouvernement et le chef de ce mouvement révolutionnaire dans l'Église orthodoxe qui est connu sous le nom de "l'Église vivante". Comparé aux autres chefs de ce mouvement, il se distingue par sa sincérité, son désintéressement et sa franchise qui va quelquefois dans ses paroles, même prononcées en chaire, jusqu'à la grossièreté et au cynisme. Par ses convictions¹³ c'est un étrange moderniste orthodoxe ne vivant que par l'émotion religieuse, où sont entassés pêle-mêle les débris des canons de l'Église et des lambeaux des dogmes. Serviteur idéologique du pouvoir soviétique, il le sert honnêtement et sérieusement et il veut en réalité rajeunir l'Église à l'aide de l'idéal communiste. Il est naturel que les bolsheviks le croient, il est pour eux une personne importante, et ils font cas de lui espérant d'influer par lui les masses populaires. Ceci explique la liberté et l'âpreté de son rapport. Il s'estime être *un agent du gouvernement*, il s'efforce de le justifier aux yeux du peuple et prévenir toute possibilité de contre-révolution. C'est pourquoi dans son rapport il attire l'attention du Gouvernement sur le dommage que lui cause la politique anti-ecclésiastique qui revêt la forme d'une persécution ouverte de l'Église. Cette persécution a acquis de telles proportions que lui, le serviteur

¹³ В документе ошибочно: civictions.

fidèle du Gouvernement, il est impuissant à retenir les dispositions contre-révolutionnaires des fidèles.

On ne sait pas quel effet a été produit par ce rapport sur les bolsheviks. En attendant ils ont seulement cessé d'exiger que les prêtres payassent le prix du patent pour avoir le droit de procéder aux cérémonies religieuses, mais les autres "pressions et étouffement", selon l'expression d'Antonin, loin de cesser, augmentent.

Le pouvoir soviétique poursuit avec instance et méthodiquement *deux buts*: détruire à l'aide de l'Église Vivante l'ancienne organisation russe orthodoxe, et puis détruire toute religion. Quoique l'ancienne Église orthodoxe ne fut déjà qu'une organisation complètement pourrie, mais ses traditions et son union avec le peuple étaient encore assez fortes et elle pouvait lutter d'une manière ou d'une autre avec les bolsheviks, tandis que la nouvelle Église est définitivement asservie par le Gouvernement et ne peut offrir aucune résistance à l'athéisme. Elle est *temporelle*, tant qu'il y reste un certain nombre de croyants, paysans et ouvriers, pour qui un passage brusque à l'athéisme est impossible et excite l'hostilité contre le pouvoir soviétique. L'ancienne Eglise orthodoxe montrait décidément au peuple que le pouvoir soviétique était la source de l'athéisme et de la décadence de la vie religieuse. Pour paralyser ce coup, les bolsheviks organisent une Église qui vantera le gouvernement, en prouvant qu'il ne persécutait nullement l'Église. Le concile de Moscou, achevé hier, réalisa magnifiquement les espérances des bolsheviks. Le patriarche est destitué de sa charge, marqué du timbre de traître de l'Église et de la Patrie, les évêques de l'émigration russe à l'étranger sont excommuniés, on a permis le mariage des évêques, le second mariage aux prêtres, le pouvoir soviétique fut acclamé avec enthousiasme, comme le pouvoir le plus humain, le plus libéral, qui n'avait jamais songé à persécuter l'Église et combattait uniquement la contre-révolution ; il a été même dit que le communisme dans son programme pratique était plus rapproché du Christ que toute l'Église chrétienne qui adore Rockefeller... Les représentants de l'Église vivante veulent par cette basse servilité obtenir la bienveillance du nouveau gouvernement et être, quoique non officiellement, mais *du moins de facto l'Église de l'État*. Les bolsheviks ont parfaitement bien saisi cette tendance. Leurs agents arrêtaient brusquement et impunément et emprisonnaient tous les adversaires de l'Église vivante en remettant les temples aux partisans de cette dernière. Tous les gens d'idée ou simplement d'honnêtes prêtres orthodoxes qui ne risquaient pas de vendre leur conscience sont déportés en divers lieux éloignés dans la Russie du Nord, l'Oural et la Sibérie ou bien ils remplissent en masse les prisons. Il suffit d'une simple dénonciation faite par un représentant de l'Église vivante contre un prêtre ou évêque qui n'est pas de leur camp, pour que ce dernier soit aussitôt arrêté. Dans l'action sociale précédant le concile, l'élection des représentants pour le concile et en général toute la campagne préparatoire, le Gué-Pé-Ou (Administration politique de l'État) avait joué un rôle actif. Les journaux sont pleins de résolutions blâmant l'activité du patriarche Tichone, résolutions énoncées, à ce qu'il paraît, par des paysans d'un tel village ou hameau, des soldats de l'Armée Rouge dans un tel régiment, les ouvriers d'une telle usine, etc. Toutes ces comédies étaient jouées, ainsi que toutes les autres résolutions bolchévistes, à l'aide de terreur et de fraude les plus grossières. Le prêtre de l'Église vivante, accompagné de

milice et des agents du Gué-Pé-Ou (comme au temps du tsarisme, avec l'aide de la police) arrivait à l'église et l'enlevait aux croyants qui étaient fidèles au patriarche Tichone. Des bas-fonds de la société ou des éléments terrifiés et peu conscients organisaient une assemblée qui condamnait le patriarche; celui qui osait protester était qualifié de contre-révolutionnaire. L'un des représentants les plus typiques de l'Église vivante, l'archevêque Eudokime, arriva en retard pour le concile uniquement parce qu'on lui avait prescrit de "mettre en ordre" tout le diocèse de Viatka qui restait fidèle au patriarche. (V. Les "Nouvelles du Comité Exécutif Central des Soviets", 9 mai 1923, № 101). De même la semaine dernière étaient "mises en ordre" les 40 dernières paroisses (autocéphales) à Pétrograde. Le procès du patriarche Tichone fut ajourné afin de pouvoir au moyen de la hideuse comédie du "concile" le mettre en scène avec plus de pompe de Judas. Cela produisait l'effet que l'Église elle-même avait renié son patriarche, l'avait destitué de sa charge, ôté son sacerdoce et son froc, et du chef de l'Église russe orthodoxe, elle avait fait un simple citoyen Vassili Bellavine. Maintenant le pouvoir soviétique peut le juger "de conscience tranquille" et le condamner comme ennemi du peuple et de l'Église russe orthodoxe elle-même... Il arriva donc qu'aux maintes réunions les "croyants orthodoxes" demandaient même que le tribunal civil jugeât le patriarche qui était "l'ennemi du peuple".

Evidemment tout semble être favorable à l'Église vivante et elle devient une "*persona grata*" aux yeux du gouvernement, mais c'est ici que commencent les désenchantements cruels qui provoquent les protestations plaintives du métropolite Antonin. Le pouvoir soviétique ne soutient guère l'Église vivante pour qu'elle puisse se développer librement. Les bolsheviks comprennent parfaitement bien que le clergé de la soi-disant nouvelle orientation "révolutionnaire" ne présente en effet qu'un petit tas de lâches et des gens intéressés qui sont prêts de servir n'importe qui si cela leur est profitable. Ils méprisent ces "gens de l'Église Vivante" et leur jettent des miettes de leur table. Ils trouvent qu'il suffit de permettre d'exister à ces gens, de se mouvoir librement et trouver tant bien que mal des moyens d'existence; ce sont des "charlatans" que le pouvoir soviétique ne peut pas encore détruire et qu'il est obligé de tolérer en attendant... Mais le même pouvoir ne peut laisser échapper aucune occasion favorable pour mener la propagande athéistique et détruire la religion. Le nouveau clergé sera déjà content s'il n'est pas mis aux arrêts, déporté en Sibérie ou privé de la paroisse. Ayant avoué sa bassesse en constatant officiellement qu'il n'y avait eu aucune persécution contre l'Église dans la Russie Soviétique, ces misérables créatures ne peuvent plus lutter avec les bolsheviks, protester, dire leur "*non possumus*", ils sont uniquement capables de s'humilier, d'implorer, de ruser et de mener quelque jeu diplomatique très subtil pour se sauver de manière quelconque dans cette destruction générale.

Et le gouvernement pendant ce temps agit ouvertement et effrontément, il déclare avec cynisme qu'après avoir exterminé l'ancienne Église, il s'en prendra à la nouvelle. Il donne à ses agents carte-blanche pour "étouffer" les Églises par tous les moyens. Ces moyens peuvent être divisés en groupes suivants :

1. Le Gouvernement se propose comme but la lutte avec les préjugés religieux, et le par[agraphe] 119 du Code pénal (chap[itre] III, de la violation des règles sur la séparation de l'Église et de l'État) punit "le profit des préjugés

religieux des masses” dans un but contrerévolutionnaire. On attribue ici le nom de “préjugé religieux” à la religion elle-même. Toute religion = préjugé religieux. Encore en 1918 les représentants du pouvoir soviétique m’expliquaient qu’ils ont ces opinions *en tant que communistes* et non pas comme représentants du gouvernement. Et maintenant, à ce qu’il paraît, le gouvernement qui accorde la liberté de la conscience et garantit à chacun l’inviolabilité de ses opinions religieuses, ne se gêne guère dans la législation (le Code pénal parut en 1922) pour marquer la religion du nom de “préjugés religieux” en offensant effrontément les 95% de la population croyante de la république. Dans l’accusation finale officielle au sujet de notre procès il est dit ouvertement “que le pouvoir soviétique prenant en considération que ces préjugés religieux séculaires pèsent sur la conscience des travailleurs et sachant qu’ils ne peuvent être dissipés seulement par des moyens physiques, il s’était proposé de lutter contre l’oppression religieuse uniquement par moyen de propagande et au surplus de dévoiler manifestement aux travailleurs les procédés trompeurs des représentants du clergé dans les cas où ces procédés pouvaient être sujets à un tel dévoilement” (l’ouverture des reliques). De la sorte, la liberté de la conscience n’est qu’*un fait passager* et accordé uniquement parce que la religion ne peut être détruite par des moyens “*seulement physiques*”. La religion, c’est un phénomène vital nuisible et seulement toléré, et contre lequel luttent déjà non plus les communistes en tant que partie, mais le gouvernement lui-même.

Lorsqu’en 1918-20 eurent lieu les dissections sacrilèges des reliques, le gouvernement soviétique s’était justifié en disant que les masses populaires avaient exigé ce procédé; à présent, le gouvernement déclare hautement que l’initiative de l’ouverture des reliques part de lui et était employé par lui comme moyen pour “dévoiler devant les travailleurs les procédés trompeurs du clergé dans les cas où ces procédés pouvaient être découverts”. Donc, si quelque agent du gouvernement se met dans la tête, *ce qui a été déjà dit maintes fois*, de prouver au moyen de l’analyse chimique que dans le St Calice se trouve non pas le sang du Sauveur mais le vin, ce sera aussi considéré par le gouvernement comme un procédé trompeur du clergé et défendu comme tel. Et il n’a rien d’étonnant que le commentaire du par[agraphe] 120 du Code, selon l’expression très juste du métrop[olite] Antonin, puisse¹⁴ taxer de “procédé trompeur” chaque cérémonie du culte; (par ex[emple], la bénédiction de l’eau, les prières devant les images miraculeuses, la consécration des maisons, des champs etc.); les agents du pouvoir local, *non retenus par aucune norme juridique ou commentaire de la loi*, en arrivent dans leur zèle communiste insensé jusqu’aux paradoxes dans leurs moyens d’“influer” sur le clergé.

2. Et lorsque de la part du clergé arrivent des réclamations contre ces mesures illégales, vu que la Constitution de la RSFSR accorde le droit de la propagande religieuse, on reçoit toujours la réponse toute prête sur la dictature du prolétariat. Quoique le gouvernement soviétique accorde par la loi le droit de la propagande religieuse, mais, à présent, il ne peut pas le permettre, car il faut auparavant préparer “les masses inconscientes du peuple” par voie de l’instruction et de culture d’esprit pour qu’elles puissent réagir contre les

¹⁴ В документе ошибочно: peut.

procédés trompeurs du clergé. Et jusqu'à ce que ces masses soient préparées, on permet uniquement la propagande antireligieuse (journaux athées, fêtes, processions, spectacles, réunions, conférences et clubs). On permet seulement, en qualité de propagande religieuse, l'enseignement aux croyants adultes des objets religieux, les sermons à l'église et les leçons. Mais ici comme ailleurs le gouvernement soviétique veille sans trêve sur le clergé. S'il remarque que les leçons apologétiques d'un prêtre doué de talent excitent un trop vif intérêt dans le peuple, elles sont défendues sous prétexte de "détourner les ouvriers et les paysans de leurs intérêts sociaux"... La prédication dans les églises contre l'athéisme, *ainsi qu'on nous l'a expliqué avec autorité à notre procès*, est une *agitation politique*, car elle sape les fondements de l'idéologie du communisme. Une telle prédication est possible dans les églises, mais à la condition que les assistants aient le droit de répliquer au prédicateur... De même on traite d'action politique et contrerévolutionnaire *l'excommunication des communistes*. Quoique le pouvoir soviétique pose la condition indispensable que les personnes qui entrent au parti communiste fussent complètement irréligieuses et pour la moindre trace de religion on les chasse sans pitié du parti, néanmoins la même manière d'agir de la part du clergé est considérée comme un despotisme exercé sur la liberté des croyants ; le prêtre n'a pas le droit de "terroriser" les paroissiens, il peut seulement les¹⁵ persuader. Si le clergé s'oppose en chaire au mariage civil et au divorce au nom des principes purement religieux, il commet une "action criminelle", car il excite "les masses inconscientes" contre la législation soviétique. Si le clergé démontre la persécution de l'Église et de la religion et la décadence des mœurs qui en est la suite, il commet un nouveau crime "en discréditant le pouvoir soviétique aux yeux du peuple". Si le clergé profitant du droit des citoyens libres, mène entre les fidèles une action pour la révocation par des moyens légaux (appels, pétitions, résolutions etc) d'une loi antireligieuse (ainsi que l'a fait l'archevêque Jean Tzepliak dans son circulaire, où il proposait aux fidèles d'insister par tous les moyens "légaux" pour obtenir la permission d'avoir des écoles paroissiales pour les enfants), alors cela est considéré comme un appel direct aux masses populaires afin de provoquer des actions contrerévolutionnaires.

3. Pour affaiblir parmi le peuple l'instruction religieuse et réduire la religion uniquement aux cérémonies religieuses, le pouvoir soviétique détruit partout les livres du contenu religieux (livres d'étude, catéchismes, œuvres de théologie, livres se rapportant au service divin, etc). On extermine même les œuvres philosophiques au caractère spirituel et mystique (par ex[emple], les œuvres de Descartes, Leibnitz, Jacobi, Solovieff, etc). Les livres théologiques que nous faisons venir de l'étranger sont confisqués par la douane et ne nous arrivent pas. Un organe spécial pour les affaires de la presse a publié un ordre défendant d'imprimer les livres "militaires, pornographiques, spirituels et mystiques". On extermine les livres enfantins où se trouve la moindre mention de Dieu. Un écrivain contemporain (quoique même irréligieux) a failli être jugé pour avoir placé dans la description des mœurs des paysans du Nord de la Russie un récit de 3 visions religieuses.

¹⁵ В документе ошибочно: leur.

4. Prenant pour point de départ le principe que les enfants sont “la propriété de la république”, le pouvoir soviétique, par le par[agraphe] 121 du Code pénal défend l’enseignement de la religion dans les écoles publiques et privées aux enfants au-dessus de l’âge de 18 ans. Cette loi est commentée de la sorte, que l’on défend d’enseigner la religion non seulement entre les 4 murs d’une école proprement dite, mais *de la même manière que cela se fait dans les écoles*. Par conséquent, le prêtre n’a pas le droit de réunir des enfants et de leur enseigner la religion même à l’église car ce sera déjà un “enseignement en groupe” défendu par rapport aux enfants au-dessus de l’âge de 18 ans. Un enseignement pareil de la religion à l’église aura “l’air d’une école”, ce qui n’est pas permis. En outre, on défend aux enfants (par un décret exprès des pouvoirs locaux) de servir dans l’autel et de chanter au chœur.

5. Voulant priver l’Église de toute possibilité d’une organisation extérieure et de soutien matériel, le gouvernement] soviétique dans le par[agraphe] 122 du même Code statue: “Toute contrainte pendant les quêtes en faveur des organisations ecclésiastiques et religieuses ou des groupes” est punie par différentes mesures. Si même une organisation religieuse quelconque désirât s’imposer *volontairement* une collecte, il suffit de la réclamation d’un mauvais membre qui voudrait nuire à cette organisation; s’il dénonce qu’on y fait une quête par contrainte, l’organisation est close sur le champ et ses représentants livrés au jugement.

6. De la vient le fait pénible de cette “pression” exercée sur les poches des croyants, selon l’expression très juste du métrop[olite] Antonin, dans le but de rendre impossible l’entretien des temples et du clergé. *Les perceptions atteignent en effet des proportions colossales*. Cela a pour but d’irriter les fidèles contre le clergé, qui, réduit à une misère complète, est obligé de demander sans cesse des ressources à ces paroissiens, et même quelquefois de mendier dans les rues. Parfois le prêtre est surchargé d’un travail accessoire qu’il doit prendre pour pouvoir exister et cela au point qu’il ne peut plus vaquer à ses obligations pastorales. Mais les représentants du pouvoir le privent souvent même de ce dernier gagne-pain. Sous divers prétextes (dont le plus commun “réduction du personnel”) on le prive de l’emploi et de l’état. La même chose arrive aux fils et aux filles des prêtres. Il y a quelques jours que cela est arrivé à un de mes prêtres, le p[ère] Alexis Anissimoff¹⁶ à Saratoff.

7. Par le par[agraphe] 123 le pouvoir soviétique punit “l’usurpation de la part des organisations religieuses et ecclésiastiques des fonctions administratives, juridiques et publiques et des droits des personnes juridiques” (car le clergé et les sociétés religieuses n’ont pas les droits des personnes juridiques). Ainsi, même l’excommunication d’un paroissien ou le jugement sur une personne ecclésiastique, ou même une simple pénitence infligée à quelqu’un peuvent servir de motif pour accuser le clergé d’excès de son pouvoir. C’en est déjà assez des exemples.

8. Enfin, dans le par[agraphe] 123 le pouvoir soviétique a l’air même de vouloir paraître impartial et il décrète: l’empêchement des cérémonies religieuses en tant qu’elles “ne nuisent pas à l’ordre social” et ne sont pas accompagnées

¹⁶ В оригинале ошибочно: Anissimiff.

“d’attentats aux droits de citoyens” est puni de même. Mais ici comme ailleurs le gouvernement a plein pouvoir de régler et de commenter la signification des mots “nuire à l’ordre social” et “d’attentats aux droits de citoyens”. Quelquefois le son des cloches est défendu, parce qu’il empêche les occupations d’une réunion communiste quelconque, d’autres fois on défend des processions religieuses parce qu’elles peuvent exciter “l’explosion du fanatisme religieux”, etc.

9. En dernier lieu, la manière d’agir que j’ai déjà mentionnée, pour créer l’opinion publique dans l’affaire du patriarche Tichone, est de même employée avec succès, ainsi que l’a remarqué très bien le métrop[olite] Antonin, dans le procédé d’enlèvement de l’église aux croyants de toute société religieuse.

Une telle manière d’agir du gouvernement soviétique produit naturellement ces effets scandaleux et anormaux dont parle le rapport du métrop[olite] Antonin. C’est l’extermination organisée de toute idée religieuse, la destruction de toute société religieuse. Par les mains de la même Église Vivante le gouvernement veut creuser une fosse pour y enfouir ces esclaves en soutane qu’il a attirés à son service par le fantôme trompeur du soutien de l’État et le son de son or.

Перевод

Его преподобию
Представителю Католической миссии помощи
голодающим в России
о[тцу] Эдмунду Уолшу

Достопочтенный отец,

Недавно я получил копию донесения митрополита Московского Антонина во ВЦИК, составленного им в марте 1923 года и, вероятно, тотчас направленного по месту назначения. Это заставляет меня снова обратиться к Вашему преподобию с просьбой немедленно довести до сведения Св. Престола это донесение митрополита Антонина, а также мои комментарии к нему.

Вышеупомянутое донесение примечательно тем, что описывает поразительную картину всех тех возмутительных посягательств на свободу вероисповедания, которые имели место в России, несмотря на все заверения советского правительства насчет религиозной терпимости. Каждое слово, каждое сравнение в этом донесении — вовсе не преувеличение или ложь, а точная фотография того возмутительного лицемерия и наглого бесстыдства, с которыми агенты советской власти расправляются с представителями различных религиозных культов, в особенности с христианским духовенством.

Особый интерес донесение представляет из-за личности его автора, митрополита Московского Антонина. Он самый верный слуга правительства и глава того революционного движения в Православной церкви, которое известно под названием “Живой церкви”¹⁷. В сравнении с другими вождями этого движения он отличается искренностью, бескорыстием и откровенностью, которая в его словах, даже произнесенных с кафедры, порой доходит до грубости и цинизма. По своим убеждениям это странный православный модернист, живущий лишь религиозными переживаниями, в которых беспорядочно перемешаны обрывки церковных канонов и догм. Этот идеологический слуга советской власти служит ей честно и серьезно и действительно хочет омолодить Церковь при помощи коммунистического идеала. Естественно, большевики ему верят, он для них важное лицо, они прислушиваются к нему, надеясь через него влиять на народные массы. Это объясняет свободу и резкость его донесения. Он считает себя агентом правительства, старается оправдать его в глазах народа и предупредить любую возможность контрреволюции. Вот почему в своем донесении он обращает внимание правительства на ущерб, который наносит ему антицерковная политика, принявшая форму открытого преследования Церкви. Это преследование приобрело такие размеры, что он, верный слуга правительства, не способен сдержать контрреволюционные настроения верующих.

¹⁷ Утверждение неточно. Митрополит Антонин был главой “Союза церковного возрождения”.

Нам неизвестно, какое впечатление это донесение произвело на большевиков. Пока они только перестали требовать, чтобы священники оплачивали патент, чтобы иметь право отправлять религиозные церемонии, однако другое “давление и удушение”, по выражению Антонина, не только не прекратилось, но и возросло.

Советская власть упорно и методически преследует *две цели*: с помощью Живой церкви разрушить древнюю православную церковную организацию в России, а затем уничтожить всякую религию. Хотя древняя Православная церковь уже была полностью прогнана организацией, ее традиции и единение с народом были еще достаточно сильны, и она могла так или иначе бороться с большевиками, тогда как новая Церковь окончательно подчинена правительству и не может оказать никакого сопротивления атеизму. Она *временна*¹⁸, пока остается некоторое число верующих, крестьян и рабочих, для которых резкий переход к атеизму невозможен и вызывает враждебность к советской власти. Древняя Православная церковь решительно показывала народу, что советская власть является источником атеизма и упадка религиозной жизни. Чтобы противостоять этому, большевики организуют Церковь, которая будет превозносить правительство, доказывая, что оно никак не преследует Церковь. Завершившийся вчера Московский собор полностью оправдал чаяния большевиков¹⁹. Патриарх смещен и заклеймен как предатель Церкви и Родины, находящиеся за рубежом епископы из русской эмиграции отлучены, епископам разрешено жениться, священникам — вступать во второй брак, советскую власть бурно приветствовали как самую гуманную и либеральную власть, которая никогда не помышляла о том, чтобы преследовать Церковь, а боролась исключительно с контрреволюцией. Сказали даже, что в своей практической программе коммунизм ближе к Христу, чем любая христианская Церковь, поклоняющаяся Рокфеллеру... Представители Живой церкви хотя бы таким низким раболепием снискают благосклонность нового правительства и стать, хоть и не официально, но, *по крайней мере де факто, Государственной церковью*. Большевики прекрасно поняли эти настроения²⁰. Их агенты грубо и безнаказанно арестовывали и бросали за решетку любых противников Живой церкви, а храмы передавали ее сторонникам. Все идейные люди или просто честные православные священники, которые не продают свою совесть, высланы в различные отдаленные места на Север России, на Урал или в Сибирь или же массово заполняют тюрьмы. Достаточно простого доноса от представителя Живой церкви на священника или епископа, не принадлежащего к их лагерю, чтобы того тотчас арестовали. В общественных мероприятиях перед собором, выборах представителей на собор и, в целом, во всей подготовительной кампании активную роль играло ГПУ (Государственное политическое управление). В газетах полно постановлений, осуждающих деятельность патриарха Тихона, постановлений, вынесенных, как кажется, крестьянами какой-то деревни или хутора, солдатами какого-то полка Красной Армии, рабочими какого-то завода и т.д. Все эти комедии были разыграны, как и все прочие большевистские постановления, при помощи самого грубого террора и обмана. Священник Живой церкви в сопровождении милиции и агентов ГПУ (в царские времена это делалось при помощи полиции) прибывал в церковь и отбирал ее у верующих, сохранявших верность патриарху Тихону. Низы общества или запуганные и несознательные элементы устраивали собрание, которое осуждало патриарха. Того, кто отважился протестовать, объявляли контрреволюционером. Один из самых типичных представителей Живой церкви, архиепископ Евдоким, прибыл на собор с опозданием только потому, что ему предписали “привести в порядок” всю Вятскую епархию, которая сохраняла верность патриарху. (См. “Новости Центрального исполнительного комитета СССР”, 9 мая 1923 года, № 101). Точно так же на прошлой неделе были “приведены в порядок” 40 последних (автокефальных) приходов в Петрограде. Процесс патриарха Тихона отложили, чтобы при помощи отвратительной комедии с “собором” провести его с большей иудовой помпой. Сложилось впечатление, будто сама Церковь отвернулась от своего патриарха, лишила его полномочий, сана священника и монашеского облачения и из главы Русской православной церкви сделала простого гражданина Василия Беллавина. Теперь советская власть может судить его “со спокойной совестью” и вынести ему приговор как врагу народа и самой Русской православной церкви... Случалось даже, что на разных собраниях “православные верующие” требовали, чтобы патриарха, “врага народа”, судил гражданский суд.

¹⁸ Ср.: *Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.* Кн. 1, 34–36, 161–164.

¹⁹ Имеется в виду обновленческий собор 1923 г.

²⁰ Из этого можно заключить, что о. Л. Федоров не понимает, что обновленческое движение *инспирировано* советской властью. Он полагает, что оно лишь *поддержано* ею.

Очевидно, кажется, что все благоприятствует Живой церкви и она становится “персональной гратой” в глазах правительства, но именно тут начинаются жестокие разочарования, которые вызывают слезливые жалобы митрополита Антонина. Советская власть практически не поддерживает Живую церковь, чтобы та могла свободно развиваться. Большевики прекрасно понимают, что духовенство так называемой новой “революционной” ориентации на деле являет собой лишь мелкую группку трусов и корыстолюбцев, которые готовы служить неважно кому, лишь бы это приносило им выгоду. Они презирают этих “людей из Живой церкви” и бросают им крохи со своего стола. Они считают, что достаточно позволить этим людям существовать, свободно передвигаться и худо-бедно изыскивать средства к существованию; это “шарлатаны”, которых советская власть пока не может уничтожить и вынуждена еще какое-то время терпеть... Но та же власть не упускает никакой благоприятной возможности, чтобы вести атеистическую пропаганду и уничтожать религию. Новое духовенство будет довольно, если его просто не арестуют, не депортируют в Сибирь или не лишат прихода. Признав свою низость — когда они официально подтвердили, что в Советской России Церковь не подвергается никакому гонению, — эти жалкие создания уже не могут бороться с большевиками, протестовать, говорить им свое “*non possumus*”²¹, они способны только унижаться, умолять, хитрить и вести очень тонкую дипломатическую игру, чтобы хоть как-то спастись в этом всеобщем разрушении.

А правительство в это время действует открыто и бесстыдно, оно с цинизмом заявляет, что, разделавшись со старой Церковью, возьмется за новую. Оно дает своим агентам карт-бланш, чтобы “задушить” Церковь любимыми средствами. Эти средства можно разделить на следующие группы:

1. Правительство ставит себе целью борьбу с религиозными предрассудками и в ст. 119 Уголовного кодекса (гл. III Нарушение правил об отделении церкви от государства) карает “использование религиозных предрассудков масс” с контрреволюционной целью. Здесь название “религиозного предрассудка” присваивают самой религии. Всякая религия = религиозный предрассудок. Еще в 1918 году представители советской власти объясняли мне, что считают так с *позиции коммунистов*, а не представителей правительства. А теперь, судя по всему, правительство, которое предоставляет свободу совести и гарантирует каждому неприкосновенность его религиозных убеждений, вовсе не смущается тем, что в законе (Уголовный кодекс был принят в 1922 году) именуется религия “религиозным предрассудком” и тем самым бессовестно оскорбляет 95% верующего населения республики. В официальном обвинении по нашему процессу открыто говорится, что “советская власть, учитывая, что эти вековые религиозные предрассудки отягчают сознание трудящихся, и понимая, что их нельзя развеять только физическими средствами, поставила себе целью бороться с религиозным гнетом исключительно средствами пропаганды, а также разоблачать перед трудящимися обманные действия представителей духовенства в тех случаях, когда такие действия могут быть разоблачены” (открытие мошей). Таким образом, свобода совести — есть лишь *временная уступка*, дарованная исключительно потому, что религия не может быть уничтожена “*только физическими*” средствами. Религия — это вредное жизненное явление, которое лишь терпят и против которого борются уже не коммунисты как партия, а само правительство.

Когда в 1918–1920 гг. имели место кощунственные вскрытия мошей, советское правительство оправдывалось, говоря, что этого потребовали народные массы; теперь правительство во всеуслышание заявляет, что инициатива вскрытия мошей исходит от него и была им использована как средство для того, чтоб “разоблачить перед трудящимися обманные действия духовенства в тех случаях, когда эти действия можно обнаружить”. Так что, если какой-нибудь правительственный агент вобьет себе в голову *то, что уже было неоднократно сказано*, — доказать посредством химического анализа, что в св. лотире находится не кровь Спасителя, а вино, то правительство также расценит это как обманное действие духовенства, а посему запрещенное. И нет ничего удивительного в том, что поправка к ст. 120 Кодекса, по очень точному выражению митрополита Антонина, может определять как “обманное действие” каждую церемонию богослужения (например, благословение воды, молитвы перед чудотворными образами, освящение домов и полей, и т.п.); агенты местной власти, не сдерживаемые никакой юридической нормой или поправкой к закону, в своем безумном комму-

²¹ “Не можем” (лат.), форма категорического отказа, которая использовалась папским престолом с XVI в. при отказе исполнить требования светской власти. — *Прим. пер.*

²² Имеется в виду судебный процесс над католическим духовенством 1923 г.

нистическом рвении доходят до парадоксальных приемов, стараясь “оказывать влияние” на духовенство.

2. А когда со стороны духовенства раздаются жалобы на эти незаконные меры, поскольку Конституция РСФСР дает право на религиозную пропаганду, ответ всегда готов — диктатура пролетариата. По закону, советское правительство действительно дает право на религиозную пропаганду, но в настоящее время оно не может ее позволить, поскольку нужно подготовить “несознательные народные массы”, путем образования и воспитания культуры мышления, чтобы те смогли дать отпор обманным действиям духовенства. И пока эти массы не будут подготовлены, разрешается только антирелигиозная пропаганда (атеистические газеты, праздники, процессии, спектакли, собрания, конференции и клубы). В качестве религиозной пропаганды дозволяется только преподавание взрослым верующим религиозных предметов, проповеди в церкви и беседы. Но здесь, как и в остальном, советское правительство неустанно следит за духовенством. Если оно замечает, что апологетические беседы о священных книгах какого-нибудь талантливой священника возбуждают у народа слишком живой интерес, то их запрещают под тем предлогом, что они “отвлекают рабочих и крестьян от их общественных интересов”... Проповеди в церкви против атеизма, *как нам авторитетно объяснили на нашем процессе*, есть *политическая агитация*, поскольку они подрывают основания коммунистической идеологии. Подобная проповедь возможна в церквях при том условии, что присутствующие имеют право возражать проповеднику... Также за политическое и контрреволюционное действие считается *отлучение коммунистов*. Хотя советская власть неуклонно требует, чтобы лица, вступающие в коммунистическую партию, были совершенно нерелигиозными, а при малейшем намеке на религию безжалостно изгоняет их из партии, тот же самый подход со стороны духовенства рассматривается как деспотизм в отношении свободы верующих. Священник не имеет права “терроризировать” прихожан, он может их только убеждать. Если духовенство с кафедры противится гражданскому браку и разводу во имя исключительно религиозных принципов, оно совершает “преступное действие”, поскольку возбуждает “несознательные массы” против советского законодательства. Если духовенство наглядно демонстрирует преследование Церкви и религии и проистекающий из этого упадок нравов, оно совершает новое преступление, “дискредитируя советскую власть в глазах народа”. Если духовенство, пользуясь правом свободных граждан, ведет среди верующих деятельность для отзыва законными средствами (воззвания, петиции, резолюции и т.п.) какого-нибудь антирелигиозного закона (как это делал архиепископ Ян Цепляк в своем циркуляре, где предлагал верующим настаивать всеми “законными” средствами, чтобы добиться разрешения иметь приходские школы для детей), то это расценивается как прямой призыв к народным массам, чтобы спровоцировать контрреволюционные действия.

3. Чтобы ослабить среди народа религиозное образование и свести религию исключительно к религиозным церемониям, советская власть повсюду уничтожает книги религиозного содержания (учебники, катехизисы, богословские труды, богословские книги и т.д.). Искореняют даже философские труды духовного и мистического характера (например, труды Декарта, Лейбница, Якоби, Соловьева и пр.). Богословские книги, которые мы выписываем из-за границы, конфискует таможня, и они до нас не доходят. Специальный орган по делам печати опубликовал распоряжение, запрещающее публиковать книги “военные, порнографические, духовные и мистические”. Искореняют детские книги, где находят малейшее упоминание о Боге. Одного современного писателя (хоть и совершенно нерелигиозного) чуть было не осудили за то, что в описание нравов крестьян Севера России он включил описание трех религиозных видений.

4. Беря за отправную точку принцип, что дети являются “приоритетом для республики”, советская власть в ст. 121 Уголовного кодекса запрещает преподавание религии в государственных и частных школах детям младше 18 лет. Этот закон трактуют таким образом, что запрещено не только преподавать религию детям в четырех стенах самой школы, но и вообще *таким же способом, как это делается в школах*. Следовательно, священник не имеет права собирать детей и преподавать им религию даже в церкви, поскольку это уже будет “преподавание в группе”, которое запрещено для детей младше 18 лет. Подобное преподавание религии в церкви будет “выглядеть как школа”, а это не разрешается. Кроме того, детям запрещено (специальным декретом местных властей) прислуживать в алтаре и петь в хоре.

5. Желая лишить Церковь всякой возможности внешней организации и материальной поддержки, советское правительство в ст. 122 того же Уголовного кодекса постановляет: “всякое принуждение при взимании сборов в пользу церковных и религиозных организаций или групп” карается различными мерами. Даже если какая-либо религиозная организация *после-*

лает провести добровольный сбор, достаточно жалобы одного дурного члена, который захочет навредить этой организации: если он заявит, что проводится принудительный сбор, то организацию сразу же закроют, а ее представителей будут судить.

6. Отсюда проистекает прискорбное “давление” на карманы верующих, по очень меткому выражению митроп[олита] Антонина, с целью сделать невозможным содержание храмов и духовенства. Поборы достигают колоссальных масштабов. Цель этого заключается в том, чтобы возбудить верующих против духовенства, которое, будучи доведенным до полной нищеты, вынуждено беспрестанно просить материальных ресурсов у прихожан, а порой и подаяния на улицах. Иногда священник перегружен какой-нибудь второстепенной работой, за которую он вынужден браться, чтобы выжить, так что он больше не может исполнять свои пастырские обязанности. Но представители власти часто лишают его и этого последнего заработка. Под различными предложениями (чаще всего “сокращение штатов”) его лишают работы и общественного положения. То же самое случается с сыновьями и дочерьми священников²³. Несколько дней тому назад такое случилось с одним из моих священников, отцом Алексеем Анисимовым в Саратове.

7. В ст. 123 советская власть карает “присвоение себе религиозными или церковными организациями административных, судебных или иных публично-правовых функций и прав юридических лиц” (поскольку духовенство и религиозные организации не имеют прав юридических лиц). Таким образом, даже отлучение какого-нибудь прихожанина или осуждение духовного лица или даже наложенное на кого-нибудь простое покаяния могут послужить поводом для того, чтобы обвинить духовенство в превышении власти. Тому есть уже достаточно примеров.

8. Наконец, в ст. 123 советская власть даже хочет казаться беспристрастной и заявляет: воспрепятствование религиозным обрядам, если те “не нарушают общественного порядка” и не сопровождаются “посягательствами на права граждан”, также карается. Но тут, как и во всем остальном, правительство совершенно свободно в том, какие правила устанавливать и как трактовать слова “нарушать общественный порядок” и “посягательства на права граждан”. Порой запрещают звонить в колокола, потому что это мешает работе какого-нибудь коммунистического собрания, в иных случаях запрещают религиозные процессии, потому что они могут вызвать “взрыв религиозного фанатизма”, и т.д.

9. Наконец, уже упомянутая мною линия поведения, выработанная, чтобы создать общественное мнение в деле патриарха Тихона, тоже с успехом используется, как точно заметил митроп[олит] Антонин, для того, чтобы отобрать церкви у верующих любой религиозной организации.

Подобная линия поведения советского правительства, естественно, приводит к тем скандальным и ненормальным последствиям, о которых говорится в донесении митроп[олита] Антонина. Это организованное искоренение всякой религиозной мысли, разрушение всякой религиозной организации. Руками самой Живой церкви правительство хочет вырыть пропасть и загнать в нее этих рабов в рясах, которых оно привлекло на свою службу обманчивым призраком поддержки со стороны государства и звоном золота.

Edmund A. Walsh, SJ Papers, Georgetown University Library Booth Family Center for Special Collections, Washington, D.C., Collection GTM-GAMMS239. Box 6. Folder 409. Series Diplomatic Affairs / Russia-Church. Metropolitane de Moscou Antonin au Vtzik. 03/1923. Машинописная копия. Язык оригинала — французский.

²³ Описывается последствия статуса “лишенца”.

3.

Rapport Du métropolitain de Moscou Antonin au VTzIK Mars 1923

Le décret sur la séparation de l'Église et de l'État jusqu'au mois de janvier 1923 privait le culte d'un soutien juridique et matériel; il n'avait qu'un côté un peu favorable c'est qu'il permettait des attaques antireligieuses à l'assaut du culte surtout de la part des agents inférieurs du pouvoir soviétique. A partir de l'année présente, il narrait que la digue s'est rompue et sur les appareils du culte, comme d'une corne d'abondance, tomba une grêle de toutes sortes d'impôts et de paiements menaçant d'étouffer le culte. En premier lieu, ce fut le paiement de la prime d'assurance pour les églises en proportion illimitée: les croyants se récrièrent, mais ils payèrent. A peine ce versement achevé, il fut suivi d'une autre exigence fort pénible au dire de tous les croyants. C'était le prix tout à fait exorbitant pour le loyer des églises: tandis que le plus haut prix pour un local de commerce est fixé à 2 cop. en or pour une toise carrée, le loyer de l'église monte à 60 cop[ecks] en or la toise. Dans la ville de Mourome toutes les églises furent fermées à cause de l'insolvabilité des fidèles. Je ne sais comment ce conflit sera-t-il apaisé. J'en ai fait part au VTzIK (Comité Exécutif Central de toute la Russie), à présent j'ajoute le cri de détresse des communautés égorgées de la ville de Pereyaslav²⁴ dans le même gouvernement de Vladimir (annexe № 2)²⁵.

Cet orage eut à peine passé que des nouvelles rumeurs commençant à se réaliser courent parmi les croyants énervés: on parle d'une exigence prochaine des patents, assurément au prix d'un milliard, pour la vente des bougies pratiquée dans les églises, quoique les églises paient déjà l'accise d'État en achetant des bougies au lieu de leur produit.

La question de l'inventaire vivant du culte n'est pas moins pénible. Le clergé est devenu, comme le miel pour les mouches, l'objet de toutes sortes de prétentions à l'impôt. L'un d'eux ce fut l'impôt professionnel, dont les dimensions n'étaient point réglées. Après que, grâce à mes instances auprès du VTzIK, le vice-président Smidovitch m'assura que le pouvoir central trouvait cet impôt injuste et qu'il serait révoqué, et, quand, basé sur cette affirmation, je donnais des explications au clergé qui m'assaillait, les agents du pouvoir local se mirent à exiger cet impôt avec une vitesse centuplée avec des menaces d'arrestations et de confiscation des biens, comme cela a eu lieu par exemple, à Podolsk, dans le gouvernement de Moscou.

S'étant rachetés par ce paiement injuste des patents, les serviteurs du culte deviennent de nouveau sujets à des taxes administratives au profit des Comités Exécutifs du district (Volispolkome); la forme et la proportion de ces exigences sont le comble de l'injustice. Les exemples de pareilles expropriations exercées sur le prêtre maltraité et insulté, sont ci-joints (remarque №)²⁶.

²⁴ В документе ошибочно: Pereiaslav.

²⁵ Текст приложения в фонде о. Э. Уолша отсутствует.

²⁶ Здесь и далее в документе номер Приложения отсутствует.

En mettant le “pope” au rang des clients pour en extraire des impôts, le même pouvoir local impose aux prêtres toutes sortes de prescriptions gênantes au sujet de leurs obligations directes du culte et limitant leurs moyens d’existence. D’après nos anciennes traditions, le jour de la fête patronale les prêtres ont coutume de faire le tour des maisons où les fidèles veulent les recevoir pour célébrer à domicile certaines oraisons. La même chose a lieu au temps du Carême, surtout pendant l’Avent et le Carême avant Pâques.

Le pouvoir local commence à se mêler d’une manière absurde de ces fonctions intimes du culte, en les soumettant à un contrôle sans façon, obligeant les serviteurs du culte à obtenir des permissions spéciales pour ces visites chez les croyants. Mais depuis le mois de février, c’est-à-dire au commencement du Carême chez les croyants, l’activité infatigable des pouvoirs locaux dépassa toute limite de convenance: les comités locaux entraient l’accomplissement des prescriptions du culte par les prêtres, les visites à domicile, ils eurent recours aux arrestations; en outre l’administration en province applique à l’accomplissement des cérémonies du culte l’article 120 du Code pénal qui déclare: “L’emploi des procédés trompeurs ayant pour but de provoquer les préjugés des masses populaires et d’en tirer ainsi quelque profit, est puni...” etc. et déjà six prêtres de Pavlovsky Possad ont encouru le joug de l’arrestation et le mandement en justice (Annexe:). Ainsi, d’un côté dans les listes publiées de toutes sortes d’impôts: pour les loyers, les patents, le transport et autres, les serviteurs du culte sont rangés parmi les personnes *de professions libres*, de l’autre — leur profession et l’accomplissement des obligations professionnelles à domicile chez les croyants sont qualifiés comme *procédés trompeurs ayant pour but la provocation des préjugés*, c’est-à-dire actions criminelles.

Les ébauches futuristes sur l’application du décret sur la séparation de l’Église et de l’État ne pourraient aller plus loin.

A Pavlovsky Possad aux lamentations des victimes des inventions du président de l’Ispolkome ce dernier répliqua: “que le pouvoir central me le dise, si mes actions sont injustes”. De la sorte le représentant du pouvoir local veut obtenir un accroissement de sa science administrative au prix des expériences sur des serviteurs du culte innocents.

Je prie le pouvoir central de défendre les serviteurs du culte contre les persécutions pénales impossibles dans l’accomplissement des strictes obligations du culte et de garantir de la sorte le moyen d’exercer librement et sans obstacles les fonctions du culte à domicile d’après les traditions du culte.

Je ne puis pas me taire non plus sur la circonstance que la liberté de la profession du culte est menacée d’un danger plus grave, qu’en outre grâce au consentement de l’organe ecclésiastique inférieur, l’Administration du Soviet de Moscou, l’expropriation des édifices des églises les soustrayant de l’usage des croyants. Au mois de décembre on s’attaqua à une église aux environs du monastère Rojdestvensky à Moscou, sans aucun motif et au beau milieu de l’hiver, on priva les croyants de l’unique église avec chauffage; l’ancien appartement ecclésiastique destiné pour un club est fermé il y a bientôt trois mois, et les fidèles doivent s’abriter dans une niche. Dans la ville de Podolsk (gouvernement de Moscou) l’église Des douleurs (Skorbiaschensky) fut expropriée en faveur d’un club malgré l’opposition unanime des ouvriers du lieu

qui proposaient à la nommée organisation de faire réparer à leurs frais l'un des appartements inoccupés, mais l'organisation d'opinion arrêtée mena l'attaque contre l'église. A présent, même à Moscou, on veut s'emparer de force de quelques vastes églises pour les transformer en clubs ce qui cause un dommage évident aux fidèles.

Il y a quatre jours l'action des communistes a produit vis-à-vis d'une protestation silencieuse des ouvriers aux trois usines (anc[ienne] Goujon et autres) la résolution de s'emparer de l'imposante église de St Martin le Confesseur, dans la Taganka, rue Alexeevsky, afin de la transformer en club pour les ouvriers, le même sort menace la majestueuse église de St Nicolas dans la Novaia Sloboda, rue Dolgorukovsky, et dans beaucoup d'autres endroits l'expropriation de l'église menace de tomber à l'improviste sur la tête des fidèles. Mon ouïe est devenu en ces derniers jours un porte-voix pour recueillir les inquiétudes extrêmes des fidèles au sujet de la "liberté du culte", qui à part la persécution idéologique est menacée d'être étouffée et exploitée en voie administrative et économique. Le pouvoir soviétique s'inspire d'idées communistes et quoique je comprenne parfaitement bien sa sympathie pour un genre de vie athée, mais je dois examiner sérieusement le fait que 95% de fidèles sont assujettis à ce pouvoir, et même au point de vue d'athée on ne pourrait les traiter en criminels, ce sont des enfants par leur âge et le pouvoir ne doit pas leur être hostile mais bienveillant.

Le même pouvoir soviétique n'empêche pas, par exemple, le commerce de joujou enfantins.

Le même pouvoir soviétique entend les recommandations souvent répétées par le commissaire sanitaire Semaschko au sujet des funestes suites de l'usage du tabac et néanmoins il ne met aucun obstacle à cette habitude, qui ruine la santé physique. C'est uniquement le culte qui est l'objet à une perquisition préméditée. Je n'ai rien contre la propagande de l'athéisme, je comprends la lutte idéologique des principes et des convictions, mais j'exprime un profond regret à cause des persécutions administratives officielles dirigées contre le culte comme tel tandis qu'existent en même temps de telles garanties du culte comme "la liberté de conscience", "la séparation de l'Église et de l'État" et la dénomination constante du culte, de la part du système d'impôts, comme "profession libre".

J'ai le droit de le dire parce que pas plus tard que le vendredi passé je fus mandé par le Gué-Pé-Ou (Organe principal de surveillance politique) qui m'indiqua, comme au représentant et directeur officiel de la vie ecclésiastique, que les tendances contrerévolutionnaires et antisoviétiques croissant parmi les fidèles, j'étais responsable d'une pareille disposition d'esprits. Et cependant, depuis le commencement de cette année, j'entends de tous côtés le gémissement des fidèles contre les mesures de liquidation et de l'étouffement économique du culte; je suis placé entre deux feux: d'un côté c'est l'excitation du communisme des fidèles excessive, de l'autre — un problème miraculeux — de créer la sympathie des fidèles pour le régime présent. Le pouvoir qui nie le miracle, exige de moi un miracle — c'est de vaincre le caractère contrerévolutionnaire des masses croyantes tandis que ces masses ne cessent de voir et d'entendre chaque jour des procédés qui menacent leur instinct de conservation religieuse, ce nerf si vif et reconnu par la loi.

Le décret sur la séparation de l'Église et de l'État en ce moment est annulé en pratique, le Vé-Tsé-Ou (Administration supérieure de l'Église) s'est transformé en une section du Gué-Pé-Ou, le culte est devenu l'objet d'une exploitation économique forcée, surtout en province. Tout ce qu'il y avait de précieux dans ce décret de séparation, tout ce qui donnait au moins quelques garanties de liberté du culte — tout cela a disparu. Il ne reste que le fâcheux: l'absence de tout frein, le manque de tact, les mesures continuelles à l'adresse du culte et l'exigence de son étouffement par force.

Je prie le VTzIK. Je prends en considération la psychologie tragique des fidèles qui veulent croire et prier à leur manière et demeurer citoyens fidèles de leur patrie et de leur gouvernement soviétique, créé dans l'orage de la Révolution. A ce qu'il paraît tout cela leur est garanti pleinement par les grandes chartes: la liberté de conscience, la séparation de l'Église de l'État et la déclaration officielle que le culte est une profession libre; mais, en réalité, toutes ces déclarations sont une cruelle ironie; en réalité, toi, "libre professeur", si tu as trouvé un emploi dans une institution soviétique et si tu veux travailler honnêtement, il n'en est rien. A cause de ta libre profession on te fait démissionner librement, ton atelier (ton temple) est pris en un clin d'œil, au moment voulu, sans aucun motif, par un seul caprice d'un groupe athée quelconque, et l'on te chasse dans la rue. Enfin, les fonctions de ta libre profession sont qualifiées exprès de "procédés trompeurs, ayant pour but la provocation des préjugés" et pour lesquelles on t'emprisonne librement. La seule chose que tu peux faire en toute liberté c'est de vider ta poche, sous ce rapport le pouvoir t'écrase d'impôts allant jusqu'aux ordres catégoriques mais tout à fait déraisonnables: verser une telle somme en valeur de l'an 1922, à tel endroit, et rien de plus.

En province les Ispolkomes peu conscients, surtout ceux du district, ont inauguré un vrai jeu de hasard, une course à qui mieux pour inventer des moyens de persécutions du culte; le fidèle ordinaire et surtout le libre professeur — serviteur du culte — se trouve dans la position d'un lièvre pourchassé, qu'on fait courir aux cris des chasseurs "atou" et l'aboiement des chiens. Un peu plus loin, les savants observateurs montrent le lièvre du doigt en disant: "voyez, il court donc tout à fait librement, personne ne le tient et personne ne l'attrape". Quelle cruelle ironie. Il n'est pas permis de tranquilliser les croyants par les mirages de liberté et de créer en même temps une atmosphère et une psychologie de persécution. On ne peut pas déchirer un homme en deux: d'un côté lui imposant le devoir de changer la politique de l'Église, et de l'autre exposant chaque jour ces mêmes hommes à la fureur des croyants et une impossibilité psychologique d'ascendant moral sur les croyants, lorsque ces [prêtres]²⁷ sont fictivement nommés "des personnes de profession libre" et qu'en réalité ils sont battus chaque jour et harassés de paiements.

Je demande non pas une grâce, mais une attention sérieuse, au dire de Hegel, un moyen poli de faire démissionner Dieu, c'est-à-dire la tolérance.

---

²⁷ В документе ошибочно: "croyants".

Перевод
Донесение
Митрополита московского Антонина во ВЦИК
Март 1923²⁸

Декрет об отделении Церкви от государства до января 1923 года лишил религию юридической и материальной поддержки; у него была лишь одна немного благоприятная сторона — то, что он позволял антирелигиозные нападки на веру только со стороны внутренних агентов советской власти. С нынешнего года, как говорят, дамбу прорвало, и на служителей веры, как из рога изобилия, пролился дождь всевозможных налогов и платежей, которые грозят удушить религию. В первую очередь, это была выплата страховой премии за церкви в невообразимой пропорции: верующие возопили, но заплатили. Едва прошла эта плата, как за ней последовало новое, крайне мучительное, по словам верующим, требование. Это была совершенно астрономическая плата за аренду церквей: в то время как самая высокая цена на торговое помещение установлена в размере 2 коп[еек] золотом за квадратный туа²⁹, арендная плата для церкви составляет 60 коп. золотом за туа. В Муроме все церкви были закрыты из-за неплатежеспособности верующих. Не знаю, как будет улажен этот конфликт. Я сообщил о нем во ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет), а теперь передаю вопль отчаяния от обобранных общин Переславля в той же Владимирской губернии (приложение 2)³⁰.

Едва прошла эта буря, как новые слухи, начинающие сбываться, ходят среди встревоженных верующих: говорят о скором требовании патентов, явно по цене в миллиард, на продажу свечей в церкви, хотя церкви уже платят государственный акциз, пользуясь покупными свечами вместо собственных.

Не менее болезненный вопрос о живой описи служителей культа. Духовенство, как мед для мух, стало предметом всевозможных претензий на налоги. Одним из них был профессиональный налог, размер которого не был урегулирован. После того как, благодаря моим настояниям во ВЦИК, заместитель председателя Смидович уверил меня, что центральная власть находит этот налог несправедливым и что он будет отменен, и когда на основе этих утверждений я давал разъяснения осаждавшему меня духовенству, агенты местной власти принялись требовать этот налог в сто раз активнее и угрожали арестами и конфискацией имущества, как это случилось, например, в Подольске в Московской губернии.

Служители веры выкупили себя, несправедливо оплачивая патенты, но теперь снова стали предметом административных поборов в пользу Волисполкомов (Исполнительных комитетов волостных советов); форма и размеры этих претензий являются верхом несправедливости. Прилагаю (примечание № ³¹) примеры подобных экспроприаций, которым подвергается гонимый и оскорбляемый священник.

Поставив “попа” в ранг клиентов, чтобы требовать у него налоги, та же местная власть налагает на священников всевозможные стеснительные предписания насчет их прямых обязанностей по отправлению культа и ограничивающие их средства существования. По нашим древним традициям, в день престольного праздника священники имеют обыкновенные обходить дома, где верующие хотят их принять и отслужить дома определенные требы. То же самое происходит во время постов, особенно Рождественского и Великого поста перед Пасхой.

Местная власть начинает абсурдно вмешиваться в сокровенные функции культа, подвергая их невообразимому контролю, обязывая служителей культа получать особые разрешения на такие посещения верующих. Но с февраля, то есть с начала Великого поста у верующих, неустанная деятельность местных властей превзошла все пределы допустимого: местные комитеты препятствовали исполнению предписаний культа священниками, посещениям домов, прибегали к арестам. Кроме того, администрация в провинции применяет к исполнению религиозных обрядов статью 120 Уголовного кодекса, где говорится: “Совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения, а также с целью извлечь таким путем какие-

²⁸ Название и дата документа даны, очевидно, о. Л. Федоровым.

²⁹ Французская мера длины, использовавшаяся до введения метрической системы, 1 туа = 1,949 м. — *Прим. пер.*

³⁰ Текст приложения в фонде о. Э. Уолша отсутствует.

³¹ Здесь и далее в документе номер Приложения отсутствует.

либо выгоды, карается...” и т.д., и уже шесть священников из Павловского Посада испытали бремя ареста и предстали перед судом (Приложение:). Таким образом, с одной стороны, в опубликованных списках всевозможных налогов — на аренду, патенты, транспорт и прочее — служители веры относятся к лицам *свободных профессий*, с другой, их профессия и исполнение профессиональных обязанностей на дому у верующих квалифицируются как *обманные действия с целью возбуждения суеверия*, то есть преступные действия.

Футуристические наметки применения декрета об отделении Церкви от государства не могли бы зайти еще дальше.

В Павловском Посаде на жалобы жертв изобретений председателя Исполкома последний ответил: “пусть центральная власть скажет мне, если мои действия несправедливы”. Получается, представитель местной власти желает увеличить свою управленческую ученость ценой опытов на невинных служителях культа.

Я прошу центральную власть защитить служителей культа от невозможных уголовных преследований при исполнении строгих предписаний культа и гарантировать тем самым средство для свободного и беспрепятственного отправления богослужбных функций на дому, согласно церковной традиции.

Я также не могу умолчать о том обстоятельстве, что свобода проповеди находится под более сильной угрозой, что к тому же, благодаря согласию нижестоящего церковного органа, Президиума московского совета [l'Administration du Soviet de Moscou] (свободе проповеди угрожает еще большая опасность, а именно, что [решением] Президиума Московского совета, с согласия нижестоящего церковного органа, церковные здания могут быть экспропрированы и т.д. — *Прим. ред.*), церковные здания могут быть экспропрированы, став недоступными для использования верующими. В декабре набросились на церковь в окрестностях Рождественского монастыря в Москве, без какого-либо мотива и прямо посреди зимы верующих лишили единственной отапливаемой церкви. Бывшая квартира духовенства, предназначенная для клуба, закрыта почти три месяца, и верующие должны укрываться в подворотне. В Подольске (Московская губерния) Скорбященская церковь была экспроприрована в пользу какого-то клуба, вопреки единодушному сопротивлению местных рабочих, которые предлагали указанной организации отремонтировать за свой счет одну из незанятых квартир, но упорная организация вела наступление на церковь. В настоящее время даже в Москве хотят силой захватить несколько просторных церквей, чтобы превратить их в клубы, что причиняет верующим очевидный ущерб.

Четыре дня тому назад коммунисты, несмотря на молчаливый протест рабочих трех заводов (бывший Гужона и др.), решили захватить величественную церковь св. Мартина Исповедника на Алексеевской улице, на Таганке, чтобы превратить ее в клуб для рабочих; та же судьба угрожает великолепной церкви св. Николая в Новой слободе, на Долгоруковской улице, и во многих других местах экспроприация церквей грозит пасть на верующих, как снег на голову. В последние дни мои уши полны тревожными сетованиями верующих насчет “свободы культа”, которой, помимо идеологических преследований, грозит опасность быть задушенной и эксплуатируемой административным и экономическим путем. Советская власть вдохновляется коммунистическими идеями, и хотя я прекрасно понимаю ее симпатию к атеистической жизни, мне нужно серьезно изучить тот факт, что 95% верующих подчиняются этой власти, и даже с атеистической точки зрения их нельзя было бы рассматривать как преступников: по своему [умственному] развитию это дети, и власть должна быть к ним не враждебна, а снисходительна.

Та же советская власть не препятствует, к примеру, торговле детскими игрушками.

Та же советская власть слышит часто повторяемые наркомом здравоохранения Семашко рекомендации относительно пагубных последствий употребления табака и все же никак не препятствует этой привычке, подрывающей физическое здоровье. Только поклонение Господу становится предметом планомерных преследований. Я не имею ничего против пропаганды атеизма, я понимаю идеологическую борьбу принципов и убеждений, но выражаю глубокое сожаление по поводу официальных административных преследований, направленных против поклонения Господу как такового, в то время как существуют такие его гарантии, как “свобода совести”, “отделение Церкви от государства” и постоянное определение культа в системе налогообложения как “свободной профессии”.

Я имею право говорить это, потому что не далее, как в минувшую пятницу, меня вызвали в ГПУ (Главное политическое управление), где мне как представителю и официальному руководителю церковной жизни указали, что среди верующих растут контрреволюционные и антисоветские настроения, и я ответствен за подобные умонастроения. Между тем с начала

года я со всех сторон слышу стенания верующих по поводу мер уничтожения и экономического удупления церковной жизни. Я нахожусь меж двух огней: с одной стороны, чрезмерное возбуждение верующих к коммунизму, с другой — задача из разряда чудес — взрастить в верующих симпатию к нынешнему режиму. Власть, отрицающая чудо, требует от меня чуда — сломить контрреволюционный характер верующих масс, при том, что эти массы непрестанно, изо дня в день, видят и слышат происки, угрожающие их инстинкту религиозного самосохранения, этому живому нерву, признанному законом.

Декрет об отделении Церкви от государства в настоящее время на практике отменен, ВЦУ (Высшее Церковное Управление) превратилось в отделение ГПУ, культ стал предметом усиленной экономической эксплуатации, особенно в провинции. Всё, что было ценного в этом декрете об отделении, всё, что хотя бы давало какие-то гарантии свободы культа, — всё это исчезло. Осталось лишь возмутительное: отсутствие всяких тормозов и такта, постоянные меры в отношении культа и требования силой его задушить.

Я прошу ВЦИК. Я принимаю во внимание трагическую психологию верующих, которые хотят верить и молиться по-своему и оставаться верными гражданами своей родины и своего советского правительства, созданного в бурю Революции. Как кажется, всё это полностью гарантируется главными законами: свобода совести, отделение Церкви от государства и официальное объявление культа свободной профессией, но в реальности все эти заявления — это жестокая ирония. В реальности ты, “лицо свободной профессии”, если и нашел работу в каком-нибудь советском учреждении и хочешь честно работать, ничего не получится. Из-за твоей свободной профессии тебя заставляют свободно уволиться, твою мастерскую (храм) захватывают в мгновение ока, как только пожелают, без всякой причины, просто по капризу какой-нибудь атеистической группы, а тебя выгоняют на улицу. Наконец, функции твоей свободной профессии намеренно квалифицируются как “обманные действия с целью возбуждения суеверия”, и за них тебя свободно сажают в тюрьму. Единственное, что ты можешь делать совершенно свободно, это опустошать свои карманы: в этом отношении власть давит тебя налогами вплоть до категорических, но совершенно безумных распоряжений — выплачивать такую-то сумму за 1922 год, в таком-то месте, и ничего более.

В провинции несознательные Исполкомы, особенно волостные, затеяли настоящую азартную игру: гонку за тем, кто придумает новые способы преследовать поклонение Господу. Рядовой верующий и, в особенности, лицо свободной профессии — служитель культа — находится в положении зайца, на которого охотятся: его гоняют охотники криками “ату” и лаем собак. Чуть поодаль ученые наблюдатели показывают на зайца пальцем и говорят: “Смотрите, он бежит совершенно свободно, никто его не держит и не ловит”. Какая жестокая ирония. Нельзя успокаивать верующих миражами свободы и в то же время создавать атмосферу и психологию преследований. Нельзя раздрать человека надвое: с одной стороны, вменить ему в долг изменить политику Церкви, а с другой — каждый день сталкивать тех же самых людей с яростью верующих и психологической невозможностью нравственного авторитета в глазах верующих, если этих [священников]³² фиктивно называют “лицами свободных профессий”, а в действительности каждый день бьют и мучают поборами.

Я прошу не милости, а серьезного внимания, по выражению Гегеля, — вежливого способа отправить Бога в отставку, то есть терпимости.

Edmund A. Walsh, SJ Papers, Georgetown University Library Booth Family Center for Special Collections, Washington, D.C., Collection GTM-GAMMS239. Box 6. Folder 409. Series Diplomatic Affairs / Russia-Church. Metropole de Moscou Antonin au Vtzik. 03/1923. Машинописная копия. Язык оригинала — французский. В верху первого листа рукописная помета по-английски: *Протест во Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) от архиепископа Антонина из Красной церкви.*

³² В оригинале ошибочно: “верующих”.

Список сокращений:

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
НКЮ — Народный комиссариат юстиции
ЦК РКП(б) — Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков)

Литература

1. Архивы Кремля — Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1-2 (1997-1998). М. Новосибирск.
2. Беглов 2019 — Беглов, А. Л. (2019). Мольбы о помощи. Письма православных верующих Папе Римскому 1931 г.: Новые документы из архивов Ватикана. *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*, 91, 135-152.
3. Беглов, Токарева 2018 — Беглов, А. Л. и Токарева, Е. С. (2018). Судебный процесс над католическим духовенством 1923 г. в освещении посланца Ватикана в России. *Электронный научно-образовательный журнал "История"*, т. 9, 4(68) [Электронный ресурс]. doi:10.18254/S0002218-8-1.
4. Белякова 2021 — Белякова, Н. А. (2021). Поездка кардинала Ф. Кёнига по Советскому Союзу в 1980 г.: церковная дипломатия в условиях холодной войны. *Российская история*, 5, 97-104. doi:10.31857/S086956870016596-6.
5. Бурман 1966 — Бурман, В. фон. (1966). *Леонид Федоров: Жизнь и деятельность*. Рим.
6. Косик 2013 — Косик, О. В. (2013). *Голоса из России: Очерки сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х годов)*. М.: ПСТГУ.
7. Кривова 1997 — Кривова, Н. А. (1997) *Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства*. М.: АИРО.
8. Левитин-Краснов, Шавров 1996 — Левитин-Краснов, Э. и Шавров, В. М. (1996). *Очерки по истории русской церковной смуты*. М.; Kusnacht.
9. Парфентьев 2004 — Парфентьев, П. (2004). "С терпением мы должны нести крест свой...": документы и материалы о жизни и деятельности блаженного священномученика экзарха Леонида (Федорова). СПб.
10. Петров 2002 — Петров, С. Г. (2002). *Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925)*. М.
11. Петров 2006а — Петров, С. Г. (2006). "Социалистическое государство стало на путь эксплуатации культа": обновленческий митрополит Антонин (А. А. Грановский) о незаконных налогах на духовенство. *Гуманитарные науки в Сибири*, 2, 85-89.
12. Петров 2006б — Петров, С. Г. (2006). Советские налоги и Православная Церковь в первой половине 1920-х годов. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 5, вып. 1 (дополнительный): История, 57-62.
13. Токарева 2003 — Токарева, Е. С. (2003). Отношения СССР и Ватикана: от переговоров к разрыву 1922–1929 гг. (краткий обзор по материалам отечественных архивов). *Россия и Ватикан в конце XIX — первой трети XX века*. Ред. Е. С. Токарева, А. В. Юдин. М. СПб., 260-320.
14. Токарева 2007 — Токарева, Е. С. (2007). Проблемы статуса католической иерархии в переговорах СССР и Святого Престола в 20-е годы XX века. *Россия и Ватикан*, 2. М., 147-180.
15. Токарева 2020 — Токарева, Е. С. (2020). Эдмунд Уолш, планы Ватикана и российская действительность 1922–1923 гг. *Российская история*, 4, 188-204. doi:10.31857/S086956870010787-6.
16. Фадеев, Шебалин 2021 — Фадеев, И. А., Шебалин, Д. Д. (2021). "Правительство само регламентирует догматы Церкви так, как это ему кажется более выгодным..." Экзарх Л. Федоров о религиозной политике Советской власти. *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*, 95, 109-122. doi:10.15382/stul202195.109-122.
17. Фриз 2020 — Фриз, Г. (2020). "Entangled History" и религиозная повседневность в СССР. *Электронный научно-образовательный журнал "История"*, 11, 7(93) [Электронный ресурс]. doi:10.18254/S207987840010690-8.
18. Юдин 2002 — Юдин, А. (2002). *Леонид Федоров*. М.
19. Freeze, Beglov, Beliakova, Tokareva 2020 — Freeze, G., Beglov, A., Beliakova, N. and Tokareva E. (2020). "Catholics in the Soviet Union: New Research and New Sources on Everyday Religious Life (1917–1958)." *The Catholic Historical Review*, 106(3): 477-489. doi:10.1353/cat.2020.0050.
20. Maillieux 1964 — Maillieux, P. (1964). *Exarch Leonid Feodorov: Bridgebuilder Between Rome and Moscow*. N. Y.

References

1. Arkhivy Kremliа — *Archives of the Kremlin. The Politburo and the Church. 1922–1925*. Kn. 1–2 (1997–1998). M. Novosibirsk.
2. Beglov 2019 — Beglov, A. L. (2019). Plea for Help. Letters of Orthodox Believers to the Pope in 1931: New Documents from the Vatican Archives. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriiа. Istoriiа Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 91, 135-152.
3. Beglov, Tokareva 2018 — Beglov, A. L. and Tokareva, E. S. (2018). The Trial of the Catholic Clergy in 1923 in the Coverage of the Vatican Envoy in Russia. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriiа"*, 9, 4(68) doi:10.18254/S0002218-8-1.
4. Beliakova 2021 — Beliakova, N. A. (2021). Cardinal F. Koenig's trip to the Soviet Union in 1980: Church Diplomacy in the Cold War. *Rossiiskaia istoriiа*, 5, 97-104. doi:10.31857/S086956870016596-6.
5. Burman 1966 — Burman, V. fon. (1966). *Leonid Fedorov: Life and Activity*. Rome.
6. Kosik 2013 — Kosik, O. V. (2013). *Voices from Russia: Essays on collecting and transmitting information abroad about the situation of the Church in the USSR (1920s – early 1930s)*. M.: PSTGU.
7. Krivova 1997 — Krivova, N. A. (1997). *Power and the Church in 1922–1925. Politburo and GPU in the struggle for church values and political subordination of the clergy*. M.: AIRO.
8. Levitin-Krasnov, Shavrov 1996 — Levitin-Krasnov, E. and Shavrov, V. M. (1996). *Essays on the History of the Russian Church Troubles*. M.; Kusunacht.
9. Parfent'ev 2004 — Parfent'ev, P. (2004). *"With patience we must bear our cross...": documents and materials on the life and work of the blessed Hieromartyr Exarch Leonid (Fedorov)*. SPb.
10. Petrov 2002 — Petrov, S. G. (2002). *Documents of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) as a source on the history of the Russian Church (1921–1925)*. M.
11. Petrov 2006a — Petrov, S. G. (2006). "The socialist state has embarked on the path of cult exploitation": the Renovationist Metropolitan Antonin (A. A. Granovsky) on illegal taxes on the clergy. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2, 85-89.
12. Petrov 2006b — Petrov, S. G. (2006). Soviet taxes and the Orthodox Church in the first half of the 1920s. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriiа, filologiiа*, 5, vyp. 1 (supplement): Istoriiа, 57-62.
13. Tokareva 2003 — Tokareva, E. S. (2003). Relations between the USSR and the Vatican: from negotiations to rupture 1922-1929. (a brief overview of the materials of the national archives). *Russia and the Vatican at the end of the XIX – first third of the XX century*. Red. E. S. Tokareva, A. V. Iudin. M. SPb., 260-320.
14. Tokareva 2007 — Tokareva, E. S. (2007). Problems of the status of the Catholic hierarchy in the negotiations of the USSR and the Holy See in the 20s of the twentieth century. *Rossiia i Vatikan*, 2. M., 147-180.
15. Tokareva 2020 — Tokareva, E. S. (2020). Edmund Walsh, Vatican Plans and Russian Reality 1922-1923. *Rossiiskaia istoriiа*, 4, 188-204. doi:10.31857/S086956870010787-6.
16. Fadeev, Shebalin 2021 — Fadeev I. A., Shebalin D. D. (2021). "The government itself regulates the dogmas of the Church in the way it seems more profitable to it..." Exarch L. Fedorov on the religious policy of the Soviet government. *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiiа. Religiovedenie*, 95, 109-122. doi:10.15382/sturl202195.109-122.
17. Friz 2020 — Friz G. (2020) "Entangled History" and religious everyday life in the USSR. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriiа"*, 11, 7(93). doi:10.18254/S207987840010690-8.
18. Iudin 2002 — Iudin, A. (2002). *Leonid Fedorov*. M.
19. Freeze, Beglov, Beliakova, Tokareva 2020 — Freeze, G., Beglov, A., Beliakova, N. and Tokareva E. (2020). "Catholics in the Soviet Union: New Research and New Sources on Everyday Religious Life (1917–1958)." *The Catholic Historical Review*, 106(3): 477-489. doi:10.1353/cat.2020.0050.
20. Maillieux 1964 — Maillieux, P. (1964). *Exarch Leonid Feodorov: Bridgebuilder Between Rome and Moscow*. N. Y.